

Родительские и детские репрезентации межличностных отношений: обзор зарубежных исследований

Ярошевская С.В.,

*младший научный сотрудник лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Психологический институт РАО», Москва, Россия,
s.yaroshevskaya@pirao.ru*

Представлен обзор западных эмпирических исследований, рассматривающих различные виды индивидуальных внутренних репрезентаций, формирующихся и/или функционирующих в детско-родительских отношениях. Под репрезентациями понимаются формы организации опыта и представлений о себе, Другом и межличностных отношениях. В обзоре репрезентации представлены параметрами привязанности, особенностями атрибутивного стиля и «модели психического», а также более частными аспектами отражения межличностных взаимодействий. Исследования систематизированы по принципу рассмотрения связей репрезентаций детей и родителей с личностными особенностями, практиками поведения, общим благополучием и наконец друг с другом. В заключении дана общая характеристика современного состояния области, подчеркнута явное доминирование теории привязанности, выделены неравномерности в исследовании разных тем, описаны до сих пор не разрешенные теоретические и методические трудности.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, межличностные отношения, детско-родительские отношения, теория привязанности, атрибутивный стиль, theory of mind.

Для цитаты:

Ярошевская С.В. Родительские и детские репрезентации межличностных отношений: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 36—45. doi: 10.17759/jmfp.2017060204

For citation:

Yaroshevskaya S.V. Parenting and children's representation of interpersonal relations: foreign research review [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 36—45. doi: 10.17759/jmfp.2017060204 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Цель обзора — обобщение основных результатов исследований репрезентаций межличностных отношений детей с родителями.

Под «репрезентациями» (representations) понимаются способы внутренней организации жизненного опыта, представления о закономерностях явлений, включая и межличностные отношения. Функционально внутренние (ментальные) репрезентации связывают объективную реальность и поведение, отвечая за способы восприятия, интерпретацию событий и ситуаций. Существует несколько близких по содержанию терминов: например, когниции, схемы, имплицитные представления/теории, атрибуции. «Местом встречи» этих довольно разнородных понятий в последние несколько десятилетий стало исследовательское направление — по мнению некоторых авторов, скорее исследовательская парадигма или методология, — именуемое социальным познанием (social cognition); детско-родительские отношения занимают особое место в этой области исследований.

Эмпирические работы разумно рассмотреть в контексте основных теорий и традиций, важной составляющей которых являются источники, принципы, последствия построения и функционирования внутренних репрезентаций себя, Другого и отношений.

Теория привязанности

Теория привязанности была предложена британским психоаналитиком Дж. Боулби как альтернатива психоаналитическому подходу к развитию — со смещением акцента на реальное взаимодействие матери и ребенка. Практика работы с детьми и попытки анализа с ними привели Боулби к пониманию важности связи между ребенком и матерью, причем связи эмоциональной, не сводящейся к биологической, физической зависимости ребенка от взрослого. Эта связь формируется в первый год жизни, и определяет не только и не столько сами отношения матери и ребенка, но его развитие в целом.

Благодаря М. Эйнсворт, разработавшей процедуру экспериментальной оценки характера привязанности ребенка к матери («Незнакомая ситуация», Strange Situation — см. [3]), появилась возможность эмпирически исследовать привязанность и ее связь с другими аспектами развития. Именно «Незнакомая ситуация», позволяющая различить «надежный» и ненадежные типы привязанности, больше всего способствовала принятию теории, поскольку давала понятный и удобный инструмент диагностики индивидуальных различий [30, р. 34]. Это вылилось в невероятную по объемам исследовательскую традицию.

Первоначально речь шла лишь о младенцах и детях раннего возраста, но уже в первой обобщающей моно-

графии из своей знаменитой трилогии [7] Боулби указывает на существование привязанности в меняющихся формах на протяжении всей жизни человека, включая и преклонный возраст. Общим местом стало цитирование высказывания Боулби об «исключительно важной роли» привязанности в жизни человека «от рождения до смерти» ('from the cradle to the grave') [Ibid., p. 207].

Постепенно исследования распространились на привязанность у детей более старших возрастов и стали связываться с самыми разными признаками неблагополучия или же нормативного развития.

Наконец, разработка ученицей Эйнсворт М. Мэйн протокола «Интервью о привязанности для взрослых» (Adult Attachment Interview, AAI) [16; 1] позволила включить в число испытуемых взрослых людей любых возрастов, оценивая их репрезентации раннего опыта привязанности.

Одним из ключевых понятий теории привязанности, описывающим репрезентации, является идея о внутренних рабочих моделях (internal working models). Это понятие у Боулби — репрезентация окружающего мира и значимых фигур, прежде всего, объекта привязанности и себя самого. Она складывается на основе опыта взаимодействия, состоит из прогнозов и ожиданий и отвечает за оценку событий и регуляцию поведения.

Предполагается, что в младенчестве и раннем возрасте внутренняя рабочая модель отражает характер диадных отношений «мать-ребенок». Впоследствии, когда для ребенка становятся значимыми и другие люди, внутренняя рабочая модель служит своеобразным шаблоном настоящих и будущих отношений [19, p. 46].

Сложившись, внутренняя рабочая модель, с одной стороны, достаточно устойчива — в противном случае ее пришлось бы каждый раз конструировать заново. С другой стороны, слово *working* в этом словосочетании скорее означает «работающая», то есть отражает некоторую динамику. Динамика связана и с когнитивным развитием ребенка, в ходе которого модель усложняется, и с трансформацией под влиянием опыта взаимодействий.

В целом, взгляды теоретиков привязанности на внутренние рабочие модели предполагают их относительную неосознанность и автоматическую активацию в релевантных ситуациях. Также считается, что внутренняя рабочая модель, сложившаяся в раннем опыте, остается «ядерной», а ее дополнения и уточнения хоть и происходят, но чем дальше, тем с большим трудом [1].

Данные, получаемые с помощью «Интервью о привязанности для взрослых» (AAI), казалось, поддержали идею о трансформациях внутренней рабочей модели. AAI опирается не на сообщенные воспоминания о характере взаимодействия с матерью в детстве, а на косвенные параметры рассказа (когерентность, т.е. согласованность). Последователи Мэйн выделили по AAI не один, а два типа надежных репрезентаций привязанности: «последовательно надежная» (continuous secure) и «приобретенно-надежная» (earned secure),

иногда переводимая как «заслуженно надежная» [1]. Второй вариант означает когерентное описание негативного детского опыта и дает основания полагать, что травматичное детство (и, следовательно, ненадежная привязанность) может быть интегрировано и трансформировано в надежную репрезентацию и во внутреннюю рабочую модель, позволяющую строить близкие отношения.

Однако Дж. Ройзман и коллеги [13] в ретроспективном анализе участников лонгитюда не нашли признаков того, что 19-летние «приобретенно-надежные» испытуемые в детстве могли быть ненадежно привязанными, поэтому вопрос о связи AAI с детским типом привязанности остается открытым.

Тем не менее, психотерапевтический опыт говорит о возможности смены типа привязанности с ненадежного на надежный в результате переработки имеющегося опыта. Это, в свою очередь, свидетельствует о реальной возможности трансформации внутренней рабочей модели даже во взрослом возрасте.

Что касается содержания и функционирования внутренних рабочих моделей у детей старших возрастов и взрослых, есть множество данных по их обширности и значимости (часть из них будут рассмотрены ниже), однако в этом можно увидеть не достижение, а проблему теории. Как поясняет Р. Томпсон [17, p. 350], поскольку Боулби использовал этот термин скорее как метафору, а не проработанный теоретический конструкт, с ростом объема эмпирических исследований в дальнейшем его стали трактовать настолько широко, что возник вопрос, не стали ли внутренние рабочие модели универсальным объясняющим понятием, в которое можно постфактум интегрировать любые параметры и феномены, с которыми оказывалась связана надежная привязанность.

Эти сомнения привели к попыткам более точно определить и ограничить внутренние рабочие модели. Например, понимать их как *развивающиеся* репрезентации, опирающиеся в своем развитии на разные когнитивные процессы и феномены в разные периоды. Одним из них можно считать социальное познание.

Атрибутивный стиль

Один из типичных вопросов в разработке тематики социального познания — как люди понимают и репрезентируют каузальность, причинность событий. Соответствующие когниции принято называть атрибутивными процессами, или атрибуциями (то есть, буквально, приписыванием причин). В социальной психологии был открыт ряд общих закономерностей, а в сфере индивидуальных различий центральным стало понятие атрибутивного (объяснительного) стиля, то есть характерного способа, которым люди объясняют себе причины событий. Термин введен Мартином Селигманом, использовавшим для характеристики стиля параметры Вайнера: стабильность

(постоянство или временность причины), глобальность (универсальность/конкретность причинных объяснений), локус причинности (экстернальность/интернальность) [4]. В целом же атрибутивный стиль по Селигману характеризуется как оптимистический или пессимистический, причем каждый вариант предполагает свой паттерн для ситуаций успеха и неудачи. Оптимистический стиль более конструктивен: причины неудач видятся временными и внешними, а успехи приписываются внутренним и стабильным причинам. Пессимистический стиль, напротив, предполагает внутренние и стабильные причины неудач, тогда как успехи объясняются внешними и преходящими причинами.

Атрибутивный стиль можно понимать как схематический и не вполне осознанный когнитивный конструкт, состоящий из «хронически доступных» объяснительных процессов [9]. Так, пессимистический атрибутивный стиль не означает постоянной подавленности и безнадежности, но в случае стрессовых событий «активируется», приводя к чувству беспомощности и депрессивному состоянию.

Как и другие репрезентации, атрибутивный стиль складывается в детстве под влиянием жизненного опыта: взаимодействия с родителями, получения обратной связи от социума (воспитателей и учителей), переживания травматических событий.

Модель психического (theory of mind)

Theory of mind чаще всего переводится на русский язык как «модель психического». В буквальном смысле имеются в виду представления о психике, и термин применялся первое время после появления (в 1970-е) к приматам и маленьким детям: у первых существование, а у вторых — момент появления метапознания (т.е. знания о познании) и уровень таких метакогниций были под вопросом. Первые и самые известные приемы исследования модели психического — задания на понимание ложных убеждений — показали, что способность осознать заблуждение другого появляется примерно в возрасте 5 лет, а затем усложняется до различения своих и чужих переживаний и мыслей; возможности учитывать отличие тех и других от объективной реальности; способности приписывать сложные эмоциональные и когнитивные процессы другим людям, даже если те не демонстрируют каких-то ярких поведенческих проявлений [14].

Буквально через пару десятков лет исследование модели психического вышло за рамки психологии развития. В чем-то судьба этой концептуальной традиции похожа на путь теории привязанности — она начинает казаться едва ли не универсальной. Помимо возрастных различий, ставших центром внимания с самого начала, исследовались отклонения и особенности формирования модели психического: например, при аутизме или в разных культурах. Наконец, стали оце-

ниваться индивидуальные различия — и, соответственно, связи с другими конструктами. Уточнялось и само содержание понятия theory of mind, которое сейчас называется «репрезентативной теорией разума» и одной из парадигм исследования житейской психологии. Возникли новые термины, относящиеся по сути к тем же процессам и функциям: ментализация (mentalization) и рефлексивное функционирование (reflective functioning). Они во многом синонимичны и относятся к способности устанавливать связи между поведением и внутренними, психическими состояниями — как своими, так и окружающих [23]. Ментализация считается тесно связанной с привязанностью, так как и то, и другое складывается под влиянием раннего опыта взаимодействия с близким взрослым, однако характер этой связи пока относится к дискуссионным вопросам [Ibid., p. 24].

Исследования внутренних репрезентаций межличностных отношений у детей и родителей

Эмпирические данные об аспектах репрезентаций межличностных отношений у детей и их родителей чрезвычайно разнообразны и работы проводятся не только в рамках уже упомянутых концепций, но даже вне всяких концептуальных рамок. Круг вопросов, волнующих исследователей, можно очертить в первом приближении следующим образом:

— связь родительских репрезентаций с поведением: прослеживаются ли различия родительских представлений, убеждений, мотивов, атрибуций, параметров привязанности и т.д. в особенностях реальной практики родительства.

— связь различных параметров родительских репрезентаций с развитием и поведением ребенка (child outcomes).

— связь поведения родителей с репрезентациями ребенка: фактически, это попытки ответить на вопрос о том, приводят ли различия в воспитании к различиям в представлениях детей о себе, других и отношениях, к различиям в установках, ценностях, мотивах и атрибуциях. Также поиск подобных связей проверяет теоретические модели — прежде всего в теории привязанности.

— связь репрезентаций ребенка с его поведением: соотносятся ли характер и содержание внутренних моделей с поведением и различаются ли дети с разными особенностями поведения, уровнями адаптации и демонстрируемым благополучием/неблагополучием по характеру тех или иных репрезентаций.

— связь родительских и детских репрезентаций друг с другом.

Ниже мы подробнее остановимся на результатах, полученных в зарубежных эмпирических исследованиях по этим линиям изучения, объединив их в три условных блока, где центральное место могут занимать представления родителей, детей или их связь.

Родительские репрезентации и их связь с практиками воспитания и благополучием ребенка

Достаточно очевидной кажется идея о связи убеждений родителей и их поведения — практик воспитания и общения с детьми. Например, опросники стиля воспитания содержат не только утверждения о поведении в отношении ребенка, но и о ценностных установках, представлениях о функциях и обязанностях родителя и т.д. Однако соответствие практик сообщаемым убеждениям проверяется не так часто: иногда сразу после этого выясняются особенности детей (которые рассматриваются как следствие родительских убеждений), иногда — оценивается поведение родителей, но чаще также по самоотчетам. Например, португальское исследование детей 7—12 лет и их родителей показало, что отцовская гиперопека (по опроснику родительской тревоги и гиперопеки) значимо связана с тревожностью детей. [28].

Альтернативная исследовательская стратегия заключается в отборе групп родителей с особенностями поведения по отношению к ребенку и сравнении их убеждений и представлений с контрольными группами. Таким образом, связь убеждений и поведения устанавливается в обратном логическом порядке. Немало подобных исследований проводится в поиске когнитивных звеньев между жестоким обращением или пренебрежительным поведением родителей и детскими травмами. Так, у матерей из неблагополучных семей, не осуществляющих достаточный присмотр и контроль, были обнаружены более дезадаптивные убеждения о детских травмах: объяснение их волей случая, тенденция рассматривать травмы как то, что делает ребенка сильнее [25]. Другие исследования обнаруживали, например, приписывание детям намеренного неповиновения, а у родителей с таким атрибутивным стилем — если не физическое принуждение детей к желаемому поведению, то, как минимум, жесткий контроль [9].

Ряд исследований свидетельствует о связи внутренних рабочих моделей родителей (согласно теории привязанности) с поведением в отношении детей.

Например, матери с выраженным избегающим измерением в привязанности, слабее выражали позитивный аффект в ответ на положительные события, касающиеся как их самих, так и их 7—12-летних детей, а матери с выраженной тревожностью привязанности оказались склонны делать своим детям замечания по поводу бурных выражений радости [15].

Работы, рассматривающие репрезентации взаимодействий с активацией «сценариев безопасной основы/базы» (secure base scripts), показали, что у матерей более надежная репрезентация привязанности по ААI соответствует более высокой вероятности составления из заданного набора слов сюжета со сценариями поддержки, защиты и утешения, а также большей вероятности помощи своим детям при совместном составлении таких сюжетов [11].

В целом авторы всех подобных исследований приходят к выводу о том, что родители с внутренними рабочими моделями, отражающими ненадежную привязанность, с большей вероятностью не будут поддерживать детей и будут негативно реагировать на них, — при этом получая реципрокный ответ [9].

Исследования родительских репрезентаций в связи с благополучием детей (child outcomes) проверяют гипотезу о том, что представления родителей, содержание их внутренних когнитивных схем может предсказывать параметры развития детей: академические успехи, эмоциональный статус, поведенческие проявления. Некоторые авторы закономерно считают, что такие связи опосредуются рассмотренными выше — то есть, когниции и связанные с ними эмоции родителей влияют на их поведение, а через него — на ребенка [Ibid.]. Одно из таких исследований — лонгитюдный анализ, отправной точкой которого стало измерение враждебного стиля родительских атрибуций, а отслеживаемыми в течение четырех лет параметрами — агрессия детей дома и в школе. Была обнаружена прямая связь, опосредующим звеном в которой были строгие воспитательные практики. Однако многие другие авторы опускают эти медиаторы и напрямую связывают когниции родителей с особенностями детей.

В последние 15 лет резко выросло количество публикаций о связи стилей привязанности родителей с некоторыми когнитивными особенностями детей. В целом характер закономерности сводится к тому, что при ненадежных типах привязанности у родителей (особенно матерей) их дети хуже (менее точно и полно; с меньшим уровнем понимания; с меньшей готовностью и большей частотой отказов) перерабатывают негативную социальную информацию — как в отношении событий собственной жизни, так и при работе с гипотетическими ситуациями-виньетками [11]. Так, по ряду работ, касающихся автобиографической памяти, можно сделать вывод, что дети ненадежно привязанных родителей склонны к защитному подавлению болезненного эмоционального опыта: снижены точность и полнота их воспоминаний, например, о тяжело переживавшихся медицинских вмешательствах. В лонгитюдном исследовании, начавшемся с оценки надежности привязанности беременных по ААI, через 11 лет прослеживалась связь с пониманием их детьми отрицательных жизненных событий. Дети женщин с ненадежными типами привязанности реже, чем другие дети, понимали, что разлука с родителями — большой стресс для ребенка; даже в случае понимания они с меньшей вероятностью оказывались способны объяснить, почему это так, и как можно помочь ребенку в этой ситуации [Ibid.].

Репрезентации у детей: связь с поведением и личностью

Тип привязанности ребенка можно рассматривать как отражение внутренних репрезентаций межлич-

ностных отношений, при этом существует изрядное количество свидетельств его связи с важнейшими аспектами развития и поведения детей. Прежде всего — это способность устанавливать отношения в дальнейшем и качество любых отношений, даже если это не тесные «эмоциональные связи», а общение со сверстниками. Эта «гипотеза компетентности» вытекает из уточнения терминологии Боулби А. Сроуфе [17]: модель, направляющая не только ожидания, но и поведение в отношении других, вызывающая определенные паттерны реакций с их стороны. Надежная привязанность способствует развитию таких свойств и качеств, как уверенность, самооэффективность, самооценка, социальные навыки. Все это снова возвращает к отношениям, помогая строить их к обоюдному удовольствию и вступать в удовлетворительные взаимодействия. Эмпирические данные лонгитюдных исследовательских проектов поддерживают идею, говоря о том, что надежный тип привязанности к матери связан с более благополучными, менее конфликтными отношениями с сиблингами, детскими друзьями и просто ровесниками в будущем [Ibid.].

Обобщение подобных исследований в формате мета-анализа (80 независимых выборок с общей численностью испытуемых около 4500) показало, что надежная привязанность значимо связана с высокой компетентностью в общении с ровесниками, вне зависимости от возраста ребенка; каждый из ненадежных типов привязанности связан со сниженной социальной компетентностью, а способ и возраст оценки обоих конструкторов не играет значительной роли [29]. Еще один мета-анализ (44 исследования с 8505 участниками), также подтвердил связь надежной привязанности с успешностью построения отношений со сверстниками [12]. В этом исследовании дополнительно проверялся эффект характера отношений (близкие дружеские отношения по сравнению со всеми межличностными взаимодействиями в целом). Оказалось, что связь приблизительно одинакова для любых контактов, будь они близкими или поверхностными.

Ряд исследований устанавливает явную связь детско-родительской привязанности с тревожностью у детей [20]. Дети с ненадежными типами привязанности (по сравнению с теми, кто классифицируется как надежно привязанный к родителям) демонстрируют более высокие риски тревожных расстройств в разных возрастах. Однако данные о том, какой именно тип ненадежной привязанности связан с тревожностью, противоречивы. Обзорные работы предполагают, что наиболее последовательно такая связь обнаруживается для дезорганизованной привязанности.

Ненадежные типы привязанности у детей не очень тесно, но значимо связаны с проблемами эмоционального совладания и регуляции эмоций [24], а также — с худшим пониманием своих и чужих эмоций [11]. Однако при рассмотрении в более широком контексте «модели психического» (theory of mind) получены противоречивые результаты. Согласно одним, ненадеж-

ные типы привязанности (по «Незнакомой ситуации» и другим детским методикам) сопряжены с меньшей развитостью «модели психического», с упрощенным пониманием психических состояний, лежащих в основе наблюдаемых поступков. Другие исследования не обнаружили такой связи [Ibid.]. Одна из работ по так называемому рефлексивному функционированию (РФ), которое может считаться термином из парадигмы «модели психического» показывает, что на материале ААI можно установить, что РФ опосредует для подростков связь между восприятием родительского пренебрежения и формированием привязанности: лишь у подростков с низким и средним уровнем РФ присутствуют самоотчеты о родительском пренебрежении и одновременно ненадежный тип привязанности [23]. Авторы полагают, что именно РФ помогает преодолеть последствия негативного опыта общения с родителями, но все показатели получены из анализа протоколов ААI, что не позволяет построить каузальную модель.

Другое направление исследований берет за основу более частные аспекты репрезентаций: искажения в переработке межличностной информации. Например, работы К. Доджа, начатые в 1980-е, а в последние годы проведенные на большой международной выборке [18] связали социальное познание (атрибуции) детей и их выраженное агрессивное поведение. Различия обнаруживаются в интерпретации неясных ситуаций со сверстниками, где агрессивные дети склонны приписывать другому враждебные намерения и ожидать от него агрессии, а неагрессивные — действовать так, как будто он руководствовался добрыми побуждениями. Такое искажение атрибуций вводит агрессивных детей в замкнутый цикл подкрепления насилия.

Атрибуции связываются и с привязанностью: данные различных исследований говорят о том, что ненадежные типы привязанности соответствуют более негативным атрибуциям намерений окружающих — как при неясном, так и при явно неагрессивном либо агрессивном поведении, например, см. [11].

Связь родительских и детских репрезентаций межличностных отношений

Самое интригующее из всех возможных направлений при исследовании внутренних репрезентаций — взаимосвязь когнитивных детей и родителей. Любая гипотеза о связи в семейной системе, безусловно, обоснована. Но в случаях сравнения поведения членов семьи сходства можно объяснить усвоением через простое подражание, семейное социальное научение ребенка, главными фигурами в жизни которого субъективно и объективно являются родители. Реципрокность поведения также легко поддается объяснению. Далее, сравнивая способы конструирования мира и опыта взрослым или ребенком с его же поведением мы также имеем все основания ждать связности. Но можно ли

ожидать общих или как-то иначе связанных правил и способов конструирования реальности у родителя и ребенка? Могут ли дети усваивать не только характерные поведенческие реакции, но и характерные когнитивные искажения? Часть исследований дает основания считать, что могут.

Такой вывод справедлив в отношении уже упоминавшегося атрибутивного стиля. Автор этого термина М. Селигман и его коллеги обнаружили значимую положительную связь атрибутивного стиля детей с материнским стилем объяснения [4]. Селигман объясняет это тем, что мать проводит с ребенком больше времени, чем другие люди, и в это время ребенок учится у нее объяснению событий, задает вопросы «почему?» и внимательно усваивает ее способы интерпретации.

В. Беркс и Р. Парке [10] предположили, что социально-когнитивные репрезентации служат механизмом переноса поведения из семьи во внешний социальный контекст. Для проверки своей идеи они оценили и сопоставили когнитивные параметры матерей и детей-школьников. Использовались гипотетические социальные ситуации в двух социальных контекстах (семья/сверстники), поделенные на три типа: легкое отвержение (*mild rejection*), неясная провокация (*ambiguous provocation*), разрешение конфликта (*conflict resolution*). Выявлялись три социально-когнитивных компонента: атрибуции, цели действий, прогнозирование последствий. Почти все значимые результаты были получены при сравнении поведения одного члена семьи в разных контекстах и ситуациях, однако авторы специально подчеркивают, что связей в ответах матери о поведении с другими взрослыми и со своим ребенком не обнаружено. Таким образом, можно предполагать, что когнитивные модели этих отношений — разные. Для матери и ребенка связи обнаружались по всем трем когнитивным компонентам в ситуации разрешения конфликта, а также по атрибуциям в ситуации неясной провокации. В такой же смутно провоцирующей ситуации, но со сверстниками, ребенок судил о намерениях иначе, чем с матерью.

Другим примером изучения связи когнитивной организации опыта детей и родителей служат, конечно же, исследования рабочих моделей привязанности.

Преимущество типов привязанности показана прогностической силой результатов ААИ в отношении типа привязанности еще даже не рожденного ребенка. Д. Бенуа и К. Паркер организовали лонгитюдное исследование, примечательное участием трех поколений: они рекрутировали около сотни беременных женщин и их матерей. На последнем месяце беременности с основными участницами исследования было проведено интервью по стандартному протоколу ААИ, затем оно было повторено через год, когда их детям было 11 месяцев. Тогда же с младенцами проводилась процедура «Незнакомой ситуации» для оценки привязанности, также однократно ААИ проводилось с бабушками [6]. При классификации привязанности по 3 типам (автономный/надежный, тревожный, пре-

небрегающий/избегающий) результаты ААИ матери во время беременности предсказывали тип привязанности ребенка в 81% случаев (при классификации по 4 типам с добавлением неразрешенного/ дезорганизованного — в 68% случаев). Для бабушек прогностичность снижалась до 75% (49% при использовании 4 категорий).

Недавний мета-анализ передачи типа привязанности в двух поколениях (классификация по ААИ для родителей и тип привязанности у детей) показал, что для 78 исследований 1987—2015 годов с совокупной выборкой из 4819 испытуемых [21] есть значимый эффект, свидетельствующий о связи родительских репрезентаций с привязанностью детей, и для автономного/надежного стиля он несколько выше, чем для неразрешенного/дезорганизованного. Любопытно, впрочем, что аналогичный анализ по меньшему количеству работ, проведенный авторами в 1995 году, давал более сильные эффекты.

Важнейший вопрос для исследователей — путь межпоколенческой передачи привязанности. В соответствии с основными положениями теории Боулби, важная роль здесь отводится поведению матери или другого заботящегося взрослого: откликаясь на потребности и состояния ребенка, демонстрируя достаточную (или недостаточную) чувствительность к ним, взрослый обеспечивает опыт, который затем будет интернализован как модель отношений, то есть, внутренняя рабочая модель. В эмпирических исследованиях передачи привязанности много лет предпринимаются попытки смоделировать ее связь у детей и родителей через чувствительность к потребностям ребенка (*sensitivity, sensitive responsiveness*). Однако это встречает систематические затруднения, обозначенные термином *transmission gap*: показатели материнской чуткости участвуют как медиаторы в передаче надежности привязанности, но не могут объяснить наблюдаемую связь полностью [5; 21].

Эти трудности привели к поискам других форм существования репрезентаций привязанности, которые могли бы удовлетворительно объяснить роль характера детско-родительских отношений. Одна из таких репрезентаций — уже упоминавшийся сценарий «надежной основы» (*secure base script*), разновидность когнитивных скриптов (сценариев), то есть схематических обобщений для объяснения и прогнозирования поведения других людей и выбора собственных поведенческих стратегий [31]. Хотя одним из методов оценки этого сценария служит система кодирования ответов на ААИ, здесь подчеркивается схематический характер репрезентации. Тогда как классический основной параметр ААИ для оценки репрезентации привязанности — когерентность нарратива испытуемого — носит выраженный автобиографический характер. Как именно две эти репрезентации соотносятся друг с другом, до конца не ясно. Одни исследователи сценария безопасной основы полагают, что его появление предшествует по времени автобиографиче-

ским репрезентациям, демонстрируемым в ААI. Другие предполагают обратную последовательность.

В только что опубликованной работе, анализирующей данные лонгитюдного исследования, начатого в 1970-е, найдены свидетельства в пользу версии о сценарии безопасной основы как факторе формирования автобиографической репрезентации привязанности. Таким образом, его предлагается рассматривать как механизм и недостающее звено: материнская отзывчивость через сценарий безопасной основы приводит к формированию у ребенка согласованной, когерентной репрезентации привязанности во взрослом возрасте [Ibid.].

Другие способы концептуализации родительского взаимодействия с детьми как пути межпоколенческой передачи привязанности включают, например, эмпатию. В исследовании, посвященном главным образом разработке протокола оценки родительской эмпатии в интервью о детях, было установлено, что эмпатия служит медиатором связи привязанности у родителей и надежности репрезентаций привязанности у их детей 7—12 лет [27].

В заключение хочется обратиться к стоящей особняком группе работ, также отслеживающих межпоколенческую согласованность привязанности: исследованиям семей с приемными детьми.

С. Паче и ее коллеги из нескольких итальянских университетов обследовали семьи с приемными детьми-подростками, усыновленными в сравнительно позднем возрасте 4—9 лет (30 матерей и 46 детей). Репрезентации привязанности у матерей оценивались по ААI, у детей — с помощью специального интервью о привязанности для подростков FFI (Friends and Family Interview). Конкордантность привязанности с точки зрения надежности/ненадежности была обнаружена в 70% семей, а связь репрезентаций такова, что матери с высоким уровнем когерентности и низким уровнем неразрешенных потерь по ААI чаще воспитывают приемных детей с высоким уровнем надежности привязанности [22; 2]. Распределение классификаций привязанности у приемных подростков соответствовало итальянским данным для общих популяций (около 70% с надежным типом).

Хотя центральным аспектом можно считать именно связь репрезентаций привязанности, такие работы в некотором смысле соединяют все упомянутые выше вопросы детско-родительских отношений, поскольку затрагивают и практики воспитания, и эмоциональную связь, и благополучие детей. Наконец, именно эти данные наиболее ярко иллюстрируют продуктивность понимания внутренних репрезентаций как, с одной стороны, устойчивых образований, влияющих на развитие и качество жизни, с другой — подлежащих коррекции, даже если ранний опыт был неблагоприятным.

Вывод

Подводя итоги, можно констатировать, что в изучении репрезентаций межличностных отношений у детей и их родителей доминирующую позицию в последние годы и даже десятилетия заняла теория привязанности. Такое положение дел во многом оправдано уникальным сочетанием ее концептуальной проработанности (это действительно очень связная, обоснованная и развернутая теоретическая модель), методической «оснащенности» (инструментов диагностики привязанности во много раз больше, чем было возможно упомянуть в рамках данного обзора) и прикладного значения. Более того, можно ожидать лишь увеличения потока исследований в этом направлении, поскольку, как было отмечено, некоторые принципиальные вопросы теории (например, о механизме межпоколенческой передачи привязанности) до сих пор не удалось подтвердить эмпирически, а инструменты диагностики продолжают и появляться, и совершенствоваться. Вне «парадигмы» привязанности наблюдается некоторая неравномерность в выборе аспектов рассмотрения: какие-то вопросы в настоящее время почти перестали подниматься (так, например, произошло с родительскими ценностями и установками из-за сложностей увязывания их с практиками воспитания [9]), а некоторые другие остаются недостаточно изученными — как, например, связь характера репрезентаций у членов семьи, исследование которой за пределами теории привязанности практически не ведется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-Центр, 2012. 520 с.
2. Adoptive parenting and attachment: association of the internal working models between adoptive mothers and their late-adopted children during adolescence / C.S. Pace [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. № 1433. doi:10.3389/fpsyg.2015.01433
3. Ainsworth M.D.S., Bell S.M. Attachment, exploration, and separation: Illustrated by the behavior of one-year-olds in a strange situation // *Child Development*. 1970. Vol. 41. P. 49—67. doi:10.2307/1127388
4. Attributional style and the generality of learned helplessness / L.B. Alloy [et al.] // *Journal of personality and social psychology*. 1984. Vol. 46. № 3. P. 681—687. doi:10.1037/0022-3514.46.3.681
5. Behrens K.Y., Haltigan J.D., Gribneau Bahm N.I. Infant attachment, adult attachment, and maternal sensitivity: revisiting the intergenerational transmission gap // *Attachment & Human Development*. 2016. Vol. 18. № 4. P. 337—353. doi:10.1080/14616734.2016.1167095

6. *Benoit D., Parker K.C.H.* Stability and Transmission of Attachment across Three Generations // *Child Development*. 1994. Vol. 65. № 5. P. 1444—1456. doi:10.1111/j.1467-8624.1994.tb00828.x
7. *Bowlby J.* Attachment. New York: Basic Books, 1982. 464 с.
8. *Bretherton I., Main M.* Mary Dinsmore Salter Ainsworth (1913—1999) // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 10. P. 1148—1149. doi:10.1037/0003-066X.55.10.1148
9. *Bugental D.B., Johnston C.* Parental and Child Cognitions in the Context of the Family // *Annual Review of Psychology*. 2000. Vol. 51. P. 315—344. doi:10.1146/annurev.psych.51.1.315
10. *Burks V.S., Parke R.D.* Parent and Child Representations of Social Relationships: Linkages Between Families and Peers // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1996. Vol. 42. № 3. P. 358—378.
11. *Dykas M.J., Cassidy J.* Attachment and the Processing of Social Information Across the Life Span: Theory and Evidence // *Psychological Bulletin*. 2011. Vol. 137. № 1. P. 19—46. doi:10.1037/a0021367
12. Early child-parent attachment and peer relations: a meta-analysis of recent research / S. Pallini [et al.] // *Journal of Family Psychology*. 2014. Vol. 28. № 1. P. 118—123. doi:10.1037/a0035736
13. Earned-secure Attachment Status in Retrospect and Prospect / G.L. Roisman [et al.] // *Child Development*. 2002. Vol. 73. № 4. P. 1204—1219. doi:10.1111/1467-8624.00467
14. *Flavell J.H.* Theory-of-Mind Development: Retrospect and Prospect // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2004. Vol. 50. № 3. P. 274—290. doi:10.1353/mpq.2004.0018
15. *Gentzler A.L., Ramsey M.A., Black K.R.* Mothers' attachment styles and their children's self-reported security, as related to maternal socialization of children's positive affect regulation // *Attachment & Human Development*. 2015. Vol. 17. № 4. P. 376—398. doi:10.1080/14616734.2015.1055507
16. George C., Kaplan N., Main, M. The Adult Attachment Interview Protocol // *Adult Attachment Interview: Unpublished manuscript* / C. George, N. Kaplan, M. Main. Berkeley. CA: University of California, Berkeley, 1996. P. 39—60.
17. *Handbook of Attachment: Theory, Research, and Clinical Applications. Second Edition* / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: The Guilford Press, 2008. 1020 с.
18. Hostile attributional bias and aggressive behavior in global context / K.A. Dodge [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2015. Vol. 112. № 30. P. 9310—9315. doi:10.1073/pnas.1418572112
19. *Jones J.D., Cassidy J., Shaver P.R.* Parents' Self-Reported Attachment Styles: A Review of Links with Parenting Behaviors, Emotions, and Cognitions // *Personality and Social Psychology Review*. 2015. Vol. 19. № 1. P. 44—76. doi:10.1177/1088868314541858
20. *Kerns K.A., Brumariu L.E.* Is Insecure Parent-Child Attachment a Risk Factor for the Development of Anxiety in Childhood or Adolescence? // *Child Development Perspectives*. 2014. Vol. 8. № 1. P. 12—17. doi:10.1111/cdep.12054
21. Narrowing the transmission gap: A synthesis of three decades of research on intergenerational transmission of attachment / M. L. Verhage [et al.] // *Psychological Bulletin*. 2016. Vol. 142. № 4. P. 337—366. doi:10.1037/bul0000038
22. *Pace C.S.* Assessing attachment representations among adoptees during middle childhood and adolescence with the Friend and Family Interview (FFI): clinical and research perspectives // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. № 1114. doi:10.3389/fpsyg.2014.01114
23. Reflective functioning moderates the association between perceptions of parental neglect and attachment in adolescence / J.L. Borelli [et al.] // *Psychoanalytic Psychology*. 2015. Vol. 32. № 1. P. 23—35. doi:10.1037/a0037858
24. Review: Is parent—child attachment a correlate of children's emotion regulation and coping? / M.J. Zimmer-Gembeck [et al.] // *International Journal of Behavioral Development*. 2017. Vol. 41. № 1. P. 74—93. doi:10.1177/0165025415618276
25. Social cognition, child neglect, and child injury risk: the contribution of maternal social information processing to maladaptive injury prevention beliefs within a high risk sample / S.T. Azar [et al.] // *Journal of pediatric psychology*. 2017. Vol. 42. № 7. P. 759-767. doi:10.1093/jpepsy/jsw067
26. Socially anxious mothers' narratives to their children and their relation to child representations and adjustment / L. Murray [et al.] // *Development and Psychopathology*. 2014. Vol. 26. № 4(2). P. 1531—1546. doi:10.1017/S0954579414001187
27. *Stern J.A., Borelli J.L., Smiley P.A.* Assessing parental empathy: a role for empathy in child attachment // *Attachment and Human Development*. 2015. Vol. 17. № 1. P. 1—22. doi:10.1080/14616734.2014.969749
28. The Relationships Among Parental Anxiety, Parenting, and Children's Anxiety: The Mediating Effects of Children's Cognitive Vulnerabilities / A.I. Pereira [et al.] // *Journal of Child and Family Studies*. 2014. Vol. 23. № 2. P. 399—409. doi:10.1007/s10826-013-9767-5
29. The significance of attachment security for children's social competence with peers: a meta-analytic study / A.M. Groh [et al.] // *Attachment and Human Development*. 2014. Vol. 16. № 2. P. 103—136. doi:10.1080/14616734.2014.883636
30. *Van Rosmalen L., van der Horst F.C.P., van der Veer R.* From Secure Dependency to Attachment. Mary Ainsworth's Integration of Blatz's Security Theory Into Bowlby's Attachment Theory // *History of Psychology*. 2016. Vol. 19. № 1. P. 22—39. doi:10.1037/hop0000015
31. *Waters T.E.A., Ruiz S.K., Roisman G.I.* Origins of Secure Base Script Knowledge and the Developmental Construction of Attachment Representations // *Child Development*. 2017. Vol. 88. № 1. P. 198—209. doi:10.1111/cdev.12571

Parenting and children's representation of interpersonal relations: foreign research review

Yaroshevskaya S.V.,

junior research fellow, Differential psychology and psychophysiology lab, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, Moscow, Russia,
s.yaroshevskaya@pirao.ru

The article provides an overview of the Western empirical research dealing with various types of individual internal representations, emerging and/or functioning in the child-parent relationship. Representations are understood as forms of experience and self-images, images of others and interpersonal relationships. The review introduces the representations as parameters of attachment, characteristics of attributive style and models of the «psychic», and also as more sectional aspects of reflection of interpersonal interactions. Researches are systemized on the principle of consideration of links between representations of children and parents with personal characteristics, behavior practices, general well-being and with each other. In conclusion, the overview of the current state of events in the area is highlighted, the dominance of attachment theory is emphasized, the absence of uniformity in the study of different themes is singled out, the poorly studied theoretical and methodological difficulties are described.

Keywords: mental representation, interpersonal relations, child-parent relationships, attachment theory, attribute-centric style, theory of mind.

REFERENCES

1. Brish K.Kh. Terapiya narushenii privyazannosti. Ot teorii k praktike [Therapy of attachment disorders. From theory to practice]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2012. 520 p. (In Russ.).
2. Pace C.S. et al. Adoptive parenting and attachment: association of the internal working models between adoptive mothers and their late-adopted children during adolescence. *Frontiers in Psychology*, 2015. Vol. 6, no. 1433. doi:10.3389/fpsyg.2015.01433
3. Ainsworth M.D.S., Bell S.M. Attachment, exploration, and separation: Illustrated by the behavior of one-year-olds in a strange situation. *Child Development*, 1970. Vol. 41, pp. 49—67. doi:10.2307/1127388
4. Alloy L.B. et al. Attributional style and the generality of learned helplessness. *Journal of personality and social psychology*, 1984. Vol. 46, no. 3, pp. 681—687. doi:10.1037/0022-3514.46.3.681
5. Behrens K.Y., Haltigan J.D., Gribneau Bahm N.I. Infant attachment, adult attachment, and maternal sensitivity: revisiting the intergenerational transmission gap. *Attachment & Human Development*, 2016. Vol. 18, no. 4, pp. 337—353. doi:10.1080/14616734.2016.1167095
6. Benoit D., Parker K.C.H. Stability and Transmission of Attachment across Three Generations. *Child Development*, 1994. Vol. 65, no. 5, pp. 1444—1456. doi:10.1111/j.1467-8624.1994.tb00828.x
7. Bowlby J. Attachment. New York: Basic Books, 1982. 464 p.
8. Bretherton I., Main M. Mary Dinsmore Salter Ainsworth (1913-1999). *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 10, pp. 1148—1149. doi:10.1037/0003-066X.55.10.1148
9. Bugental D.B., Johnston C. Parental and Child Cognitions in the Context of the Family. *Annual Review of Psychology*, 2000. Vol. 51, pp. 315—344. doi:10.1146/annurev.psych.51.1.315
10. Burks V.S., Parke R.D. Parent and Child Representations of Social Relationships: Linkages Between Families and Peers. *Merrill-Palmer Quarterly*, 1996. Vol. 42, no. 3, pp. 358—378.
11. Dykas M.J., Cassidy J. Attachment and the Processing of Social Information Across the Life Span: Theory and Evidence. *Psychological Bulletin*, 2011. Vol. 137, no. 1, pp. 19-46. doi:10.1037/a0021367
12. Pallini S. et al. Early child-parent attachment and peer relations: a meta-analysis of recent research. *Journal of Family Psychology*, 2014. Vol. 28, no. 1, pp. 118—123. doi:10.1037/a0035736
13. Roisman G.L. et al. Earned-secure Attachment Status in Retrospect and Prospect. *Child Development*, 2002. Vol. 73, no. 4, pp. 1204—1219.
14. Flavell J.H. Theory-of-Mind Development: Retrospect and Prospect. *Merrill-Palmer Quarterly*, 2004. Vol. 50, no. 3, pp. 274—290. doi:10.1353/mpq.2004.0018
15. Gentzler A.L., Ramsey M.A., Black K.R. Mothers' attachment styles and their children's self-reported security, as related to maternal socialization of children's positive affect regulation. *Attachment & Human Development*, 2015. Vol. 17, no. 4, pp. 376—398. doi:10.1080/14616734.2015.1055507
16. George C., Kaplan N., Main, M. The Adult Attachment Interview Protocol. In George C., Kaplan N., Main, M. *Adult Attachment Interview*. Unpublished manuscript. — University of California at Berkeley, 1985. pp. 39—60.
17. Handbook of Attachment. Theory, Research, and Clinical Applications. Second Edition. In J. Cassidy (ed.), P.R. Shaver (ed.). New York: The Guilford Press, 2008. 1020 p.

18. Dodge K.A. et al. Hostile attributional bias and aggressive behavior in global context. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015. Vol. 112, no. 30, pp. 9310-9315. doi:10.1073/pnas.1418572112
19. Jones J.D., Cassidy J., Shaver P.R. Parents' Self-Reported Attachment Styles: A Review of Links with Parenting Behaviors, Emotions, and Cognitions. *Personality and Social Psychology Review*, 2015. Vol. 19, no. 1, pp. 44—76. doi:10.1177/1088868314541858
20. Kerns K.A., Brumariu L.E. Is Insecure Parent-Child Attachment a Risk Factor for the Development of Anxiety in Childhood or Adolescence?. *Child Development Perspectives*, 2014. Vol. 8, no. 1, pp. 12—17. doi:10.1111/cdep.12054
21. Verhage M. L. et al. Narrowing the transmission gap: A synthesis of three decades of research on intergenerational transmission of attachment. *Psychological Bulletin*, 2016. Vol. 142, no. 4, pp. 337—366. doi:10.1037/bul0000038
22. Pace C.S. Assessing attachment representations among adoptees during middle childhood and adolescence with the Friend and Family Interview (FFI): clinical and research perspectives. *Frontiers in Psychology*, 2014. Vol. 5, no. 1114. doi:10.3389/fpsyg.2014.01114
23. Borelli J.L. et al. Reflective functioning moderates the association between perceptions of parental neglect and attachment in adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 2015. Vol. 32, no. 1, pp. 23—35. doi:10.1037/a0037858
24. Zimmer-Gembeck M.J. et al. Review: Is parent—child attachment a correlate of children's emotion regulation and coping? *International Journal of Behavioral Development*, 2017. Vol. 41, no. 1, pp. 74—93. doi:10.1177/0165025415618276
25. Azar S.T. et al. Social cognition, child neglect, and child injury risk: the contribution of maternal social information processing to maladaptive injury prevention beliefs within a high risk sample. *Journal of pediatric psychology*, 2017. Vol. 42, no. 7, pp. 759—767. doi:10.1093/jpepsy/jsw067
26. Murray L. et al. Socially anxious mothers' narratives to their children and their relation to child representations and adjustment. *Development and Psychopathology*, 2014. Vol. 26, no. 4(2), pp. 1531—1546. doi:10.1017/S0954579414001187
27. Stern J.A., Borelli J.L., Smiley P.A. Assessing parental empathy: a role for empathy in child attachment. *Attachment and Human Development*, 2015. Vol. 17, no. 1, pp. 1—22. doi:10.1080/14616734.2014.969749
28. Pereira A.I. et al. The Relationships Among Parental Anxiety, Parenting, and Children's Anxiety: The Mediating Effects of Children's Cognitive Vulnerabilities. *Journal of Child and Family Studies*, 2014. Vol. 23, no. 2, pp. 399—409. doi:10.1007/s10826-013-9767-5
29. Groh A.M. et al. The significance of attachment security for children's social competence with peers: a meta-analytic study. *Attachment and Human Development*, 2014. Vol. 16, no. 2, pp. 103—136. doi:10.1080/14616734.2014.883636
30. Van Rosmalen L., van der Horst F.C.P., van der Veer R. From Secure Dependency to Attachment. Mary Ainsworth's Integration of Blatz's Security Theory Into Bowlby's Attachment Theory. *History of Psychology*, 2016. Vol. 19, no. 1, pp. 22—39. doi:10.1037/hop0000015
31. Waters T.E.A., Ruiz S.K., Roisman G.I. Origins of Secure Base Script Knowledge and the Developmental Construction of Attachment Representations. *Child Development*, 2017. Vol. 88, no. 1, pp. 198—209. doi:10.1111/cdev.12571